

I. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

И.К. Пантин

Социально-политический переворот 1991–1993 гг. и кризис нравственного сознания в российском обществе

Гармония между лицом и обществом не делается раз и навсегда: она становится каждым периодом, почти каждой страной и изменяется обстоятельствами, как все живое.

А.И.Герцен

Начнем *ab ovo*, сформулируем позицию, исходя из которой в статье будет анализироваться соотношение политики и морали, как оно сформировалось в российском обществе после событий 1991–1993 гг. и последовавших за этим изменений в общественных отношениях и отношениях собственности. Вслед за Б.Г.Капустинным мы исходим из того, что связь политики и морали «может быть рассмотрена только «снизу», а не «сверху», т. е. в виде проблемы моральной ориентации массовых действий людей в их общеполитическом определении граждан...»¹. Иными словами, успех политики «верхов», направленной на «общее благо», определяется в конечном счете практикой и морально-политическими установками, существующими в обществе и народе.

Непосредственно задача данной статьи заключается в том, чтобы разобраться, каким образом и почему социально-экономический сдвиг, происшедший в 90-е гг. прошлого века, повлек за собой радикальную ломку всех старых отношений, всего «старого мира», и как это отразилось на моральном самочувствии народных масс. Конечно, переворот 1991 г. означал начало буржуазной модернизации страны. Поскольку различные фазы цикла, прохо-

димого буржуазным обществом в процессе своего становления, выступили в России во вторичной и даже третичной форме, постольку победа политических сил, выступавших против коммунистического режима 19–21 августа 1991 г., гораздо быстрее, чем это было когда-то в странах Западной Европы, обнаружила свои внутренние пределы и лишилась освободительного импульса. Новая власть, возникшая *по воле* народа (по крайней мере, продвинутых его слоев) очень быстро обнаружила, что она, сохраняя демократический фасад, может функционировать *независимо от воли* народа, с опорой на буржуазно-криминальные круги. Колоссальный «выброс» криминала в общественную жизнь отнюдь не случаен: он – не только продукт радикальной ломки жизненных устоев народа, но и результат «первоначального накопления капитала» и тех варварских форм, в которых оно совершалось. Что касается демократического идеала, с требованием осуществления которого москвичи и ленинградцы выступили против заговорщиков из ГКЧП, то он шаг за шагом превратился в обычное идеологическое средство оправдания формировавшегося криминально-буржуазного строя. Традиционная мораль российского общества, куда входил и элемент социальной справедливости, была сломана, разрушена, а новая система ориентиров стала формироваться в условиях, крайне негативно влиявших на нравственность людей.

Большинство обществоведов отмечают, что российское общество переживает сегодня глубокий моральный кризис, более того, «моральную деградацию»². Проявления морального кризиса разнообразны. Здесь и разрушение традиционных для России представлений о справедливости, помощи слабому, и потеря того, что веками называлось в нашей стране духовностью, и разросшийся до невероятных размеров культ наживы и успеха, достигаемого любыми средствами, и криминализация общественной жизни и многое другое. В стране оказались подорванными основы общественной морали. На всех этажах государственного здания свирепствует коррупция, вымогательство, «откаты». Колоссальные денежные средства не вкладываются в отечественную экономику, а переводятся в офшоры, тратятся на бессмысленную роскошь, на «сладкую жизнь». Но, пожалуй, главное, что утеряло нынешнее общество в России, – это осознание моральных норм как *всеобщих* регуляторов человеческой деятельности. Потеря всеобщей

го характера морали свидетельствует о том, что наше общество вступило в опасную фазу своего существования, когда духовная связь разных слоев поставлена под вопрос, когда стремительно углубляется кризис доверия. «В таком обществе все руководствуются исключительно собственными эгоистическими интересами и способны остановиться только в одном случае – когда наталкиваются на стену чужой, еще более сильной воли»³. Как поступить в каждом данном случае, индивид решает сам в зависимости от обстоятельств и размеров выгоды, которую он рассчитывает получить. Интересы «общего блага» сегодня стоят на заднем плане и служат скорее прикрытием частных расчетов выгоды, чем ориентиром действия. Отсюда «война всех против всех» и господство личного произвола в отношениях между людьми, отсюда же и многократно возросшая агрессивность последних, и крайне низкая ценность человеческой жизни, проявляющаяся в большом количестве убийств и самоубийств.

Индивидуальная позиция, частный интерес не соотносятся больше с общественной пользой, а значит нравственность, коль скоро о ней вспоминают, вырождается в средство (одно из средств) достижения личного интереса, в «технику» успеха в делах. С другой стороны, «высокие цели» потеряли свое значение нравственных ориентиров и оказались выведенными за рамки реальных практических поступков. Наше общество все больше становится обществом **частных интересов и конъюнктуры, где «высокие моральные принципы»** уже не являются измерением поступков, поскольку они выпали из законов действительного движения общественного целого. Демонстрируемая иногда «высокая» нравственность сплошь и рядом превращается ритуал, в «политес», в своего рода спектакль, где актеры разыгрывают роли, скрывая собственное «я», свои действительные интересы и убеждения. С этой точки зрения мораль служения «общественному благу» становится в глазах людей просто странной, неуместной, своего рода «блажью».

Если попытаться в первом приближении определить суть морального кризиса современного российского общества, то мы бы сформулировали ее так: противоречие любой деятельности, руководствующейся какими-либо нормами нравственности, наличной действительности, обесмысливание всяких человеческих усилий и поступков, если они выходят за пределы эгоистических житей-

ски-практических надобностей. Коль скоро правы специалисты по этике, утверждающие, что мораль есть нечто отличное от стихии «естественных» влечений, не сводимое к технике достижения сугубо частных целей, то приходится констатировать: моральная, духовно-внутренняя детерминация поступков людей в нашем обществе поставлена сегодня как минимум под вопрос, а в некоторых группах населения вообще отсутствует, будучи замененной расчетом выгоды и соображениями полезности.

Кризис морали в ситуации глубокой перестройки поля смыслообразования несет в себе опасность разложения самой ткани общественной жизни. С констатации этого положения начинается трудная проблема, над которой бьются сегодня, с одной стороны, специалисты по морали, философы, педагоги, психологи, с другой – политические деятели, управленцы, юристы, идеологи разных политических направлений. При этом, если для первых речь идет о путях возрождения морали как области совершенно особых глубоко личных чувств, духовных запросов, «высших» побуждений, то для вторых мораль важна прежде всего как область общественно-групповых и личных «нравов», как способ примирить различные часто противоположные интересы, не дать им обрести разрушительное асоциальное содержание. Не отрицая правомерности названных подходов к изучению нравственного сознания, мы тем не менее при объяснении сложившегося положения намерены прибегнуть к политико-историческому исследованию проблемы.

Угрожающие явления, происшедшие в моральном сознании общества, по нашему убеждению, связаны с характером, способом политической и социальной трансформации, происшедшей в России на переломе XX–XXI вв. Сразу же оговоримся, мы не выводим кризис нравственного сознания непосредственно из формирования буржуазных отношений в нашем обществе, шире, из природы капитализма как такового. Известно, что мораль является сферой практически значимого и общественно детерминированного поведения людей. В этом отношении в буржуазном обществе каждый действует во имя себя, своих интересов, все другие для него – всего лишь средство. Идея целого, общественного интереса, как правило, не присутствует непосредственно в сознании буржуазного индивида. К исполнению законов и обязанностей общества он понуждается с помощью права, выражающего государственную

волю. Не следует, однако, забывать, что регулятивная функция морали во всяком обществе, в том числе и буржуазном, осуществляется весьма по-разному, в зависимости от условий жизни людей, прошлого морально-исторического опыта, традиций, сложившегося отношения индивидов к государству, к интересам развития социума и т. п. В этом смысле в обществе, называемом капиталистическим, в разных странах и регионах наблюдается громадный «разброс» моральных детерминант.

Как отмечалось выше, нравственные нормы в российском обществе утратили характер общезначимости, действительной, а не мнимой всеобщности. Мир российски-традиционного, российски-советского, где поступки людей по установившейся привычке, традиции так или иначе соотносились с общепринятыми образцами действия, ушел в прошлое, был разрушен вторжением во все сферы жизни рыночных отношений, соображениями выгоды, материального обогащения. Но в том то и состоит проблема российского общества, что старое, «налично-всеобщее» (Гегель), непосредственно очевидное уже не имеет силы для россиян, а новая идея морального «добра» как цели общества и индивида, новые представления о «назначении человека», о «должном», «справедливом» и т. п. еще не сформированы, а тем более не пустили корней в общественном сознании. Бесспорно, нынешний россиянин находится в более свободном и автономном отношении к общепринятым правилам общежития. Он психологически более свободен, более раскован, чем раньше, но эта свобода и автономия была достигнута в основном за счет примитивизации морального сознания, в котором нравственные законы, критерии добра сводятся к личным эгоистическим интересам. Большинство моральных постулатов прошлого лишились своего жизненно-практического значения. Старые представления о «высших целях» личности и общества распались, новые же моральные максимы предстоит еще сформировать. А пока мошенничество, воровство, коррупция, страсть к наживе, погоня за сиюминутным успехом разъедает российское общество сверху донизу.

Конечно, во все времена нужны прочные убеждения и сила характера, чтобы говорить и делать одно и то же. Но именно условия, существующие в современном российском обществе, менее всего способствуют выработке таких убеждений. Бедность боль-

шинства населения, усугубляемая сознанием несправедливости криминального богатства меньшинства, повсеместный произвол коррумпированной бюрократии, расхождение деклараций власти с реальными делами разрушают и без того хрупкое поле моральных смыслов, порождают недоверие к власти, общественную апатию и скепсис по отношению ко всему, что выходит за пределы личного мирка. Люди не знают ни того, что они хотят, ни того, чего они не хотят. В этой обстановке все имеющиеся идеологемы, включая пресловутую «национальную идею», превращаются, по крайней мере пока, в вымороченные умозрительные построения, лишённые нравственной силы и практического значения.

Нынешняя наша современность и особенно моральное состояние общества являются логическим результатом изменений, происшедших в 1990-х гг. Вопрос, разумеется, состоит не в том, чтобы задним числом подвергнуть моральному осуждению совершившийся тогда исторический переворот – нравственный суд над прошлым, равно как и юридический, ничего не дают для понимания хода свершившихся событий. Проблема в том, чтобы уяснить себе специфическую форму перехода к новому состоянию общества, от небуржуазных (получивших название «социалистических») отношений к рыночным, буржуазно-капиталистическим. Именно этот способ трансформации – слом старого в отсутствие сформировавшегося нового, традиционный для последних трех веков российской истории, предопределил, по нашему убеждению, тяжелый, затратный для большинства путь нашего общества к капитализму, ту умственную и нравственную смуту, которая вводит людей в заблуждение насчет себя самих и характера свершившегося переворота.

Как уже отмечалось, мы отрицаем точку зрения, кажущуюся кое-кому очевидной, которая напрямую связывает моральный кризис в нашем обществе с утверждением капитализма как такового. Несомненно, экономическая мотивация при капитализме способна подменить собой все прочие ее формы. Страсть к приобретательству трансформирует ценностный мир человека, он становится плоским, одномерным. Но проблема заключается в том, что капитализм в России все еще не сложился по-настоящему, он еще не соответствует «своему понятию», выражаясь гегелевским языком. Несоответствие буржуазной действительности (в нашем случае российского капитализма) «своему понятию» означает, что

один и тот же экономический базис в зависимости от исторических, естественно-географических и т. п. условий, от способа его происхождения, культурного уровня общества способен обретать существенно различные формы. Как всякое общее понятие, «капитализм» выражает, особенно применительно к нашей стране, всего лишь *ведущую тенденцию*, не вмещающую в себя весь общественный процесс. К тому же неравномерность общественного развития, несовпадение в формах и ритмах разных сфер становления буржуазной цивилизации в нашей стране оказалось гораздо большей, чем можно было предполагать. Ряд промежуточных стадий и фаз становления капитализма, для которых в истории стран Западной Европы и Северной Америки не было необходимых условий, в России проявляются с особой рельефностью, видоизменяя не только характер общественно-экономических отношений, но и сам механизм внутрiformационного развития.

Пока мы остаемся в пределах распространенного экономоцентрического рассмотрения общественной эволюции, включая трактовку изменений в моральных нормах сознания и поведения, до тех пор специфика российского варианта складывания буржуазно-социального целого остается для нас непонятной, как, впрочем, и динамика тех общественных процессов, в которых культура, идеология, моральный опыт народа играют решающую роль. Мы уже не говорим о воздействии на складывание нового духовного облика населения России таких факторов, как международные экономические, культурные и политические связи, влияние телевизора, интернета, кино, массовой культуры и т. п. Именно поэтому, по нашему мнению, не столько общая, суммарная характеристика противоречий капиталистического строя и его духовного мира, сколько выяснение исторической специфики складывания буржуазных отношений в России способно дать нам возможность проникнуть в суть морального кризиса, охватившего российское общество. Такая, например, особенность формирования российского капитализма, как неустранимость буржуазно-рыночных преобразований экономики, с одной стороны, и неспособность политических сил, взявших на себя реформирование, демократически, с учетом интересов большинства народа осуществить предпринятые реформы – с другой, может объяснить нам ситуацию 90-х гг. XX в. гораздо глубже, чем ссылки на противоречия капитализма как такового.

Как известно, коммунистический режим рухнул в августе 1991 г. Он не был свергнут в ходе массового демократического движения (оно в стране только-только зарождалось), а как бы «просел» под тяжестью собственных противоречий. Власть буквально упала к ногам либералов и националистов в союзных республиках. То, что в ряде европейских стран было итогом тяжелой и упорной борьбы и нередко сопровождалось революциями, в России было получено, вернее, казалось полученным в результате натиска на коммунистический ГКЧП, незаконно даже по советским меркам присвоивший себе власть. Ощущение первейшей ценности свободы на миг охватило широкие слои советского, тогда еще советского, народа. Миллионы людей, озабоченные лишь проблемами непосредственного выживания, на миг возвысились до понимания связи между изменением условий своей жизни и политической свободой, демократией⁴. Впервые за многие десятилетия, начиная с Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., идея освобождения сплотила сотни тысяч людей независимо от их положения, образования, частных интересов и превратила их в субъект политического действия, в *народ* в собственном смысле этого слова.

Ликование было повсеместным. Людям казалось, что они наконец-то получили желанную свободу, о которой раньше можно было говорить только дома, на кухнях, среди единомышленников. Никого не настораживало, что среди лидеров переворота, пришедших во власть, было очень мало демократов по убеждению, сформированному опытом жизни и изучением политической теории. Никому не казалась странной та легкость, с которой старый режим уступил свое место новому. Наконец, мало кто задавался вопросом, окажется ли Россия способной «европеизироваться», вводя «сверху» в свою жизнь европейские политические институты. Все эти вопросы встанут потом, когда пройдет упоение победой демократии. И тогда подтвердится та истина, что свобода *как освобождение* существенно отличается от свободы как совокупности общественных учреждений и экономических интересов.

Вплоть до октября 1993 г. все элементы, участвовавшие в политическом перевороте: либеральная интеллигенция, представители номенклатуры, перешедшие в лагерь демократов, некоторые, хотя и весьма узкие, слои рабочего класса – все эти элементы более

или менее лояльно уживались в рамках общей коалиции. О действительном характере переворота мало кто догадывался, его социальные и экономические результаты определятся позже.

Реальные контуры изменений начали выявляться в ходе гайдаровской «шоковой» приватизации – разграбления государственной собственности и естественных богатств России. Политически продвинутые слои населения начинают чувствовать, что реформы, предпринимаемые властью, – вовсе не преодоление недостатков и «перекосов» существовавшего «коммунистического» общественного строя демократическими методами, а начало радикальной буржуазно-криминальной ломки «сверху» старых социально-экономических отношений. Во главе буржуазных преобразований, называвшихся то либеральными, то демократическими, встали общественные группы, основной интерес которых заключался в разрушении государственной экономики и в присвоении государственной собственности и богатства недр России. Демократизация к середине 1990-х гг., таким образом, окончательно определила свой основной *буржуазный* и криминальный характер. Правда, в стране тогда практически не существовало ни экономических условий (развитой конкурентный рынок), ни культурно-психологических предпосылок (соответствующий тип личности) для буржуазно-капиталистического развития страны. Речь могла идти только о том, чтобы создать с помощью государства условия для их появления и развития. Но вопрос, *кто и как* будет их создавать, оставался до поры до времени открытым.

Реформаторам 1990-х гг. казалось, что ускоренное формирование рыночных отношений разрешит все основные проблемы экономического и общественного развития страны. Как это будет происходить – в тех чрезвычайных условиях представлялось несущественным. Отсюда «шоковая терапия», «обвальная приватизация» имущества, принадлежавшего государству, цель которых, кроме спасения страны от надвигавшегося краха, заключалась в том, чтобы разом и навсегда – все равно, как – убрать из экономики России государство или по крайней мере минимизировать его присутствие. То, что без поддержки государства современная экономика успешно развиваться не может, что в ней должны сочетаться и рыночные, и нерыночные методы регулирования, нисколько не смущало наших реформаторов: «Карфаген должен

быть разрушен!» – государственная собственность, основа ненавистой им командно-административной системы, должна быть замещена частной, корпоративной. В этих условиях заново и по-новому вставал вопрос о российской демократии. Если раньше, до переворота 1991 г., общество решало для себя вопрос: социализм («коммунизм») или демократия, то в 90-х гг. XX в. речь пошла о том, *кто* будет определять курс государства на буржуазную модернизацию в России. Чем станет демократия в России? Технологией осуществления через бюрократию интересов «новых русских» в государственной сфере независимо от интересов населения, от нравственных ценностей (таких, например, как социальная справедливость) или способом функционирования и развития всего общества как целого, методом ведения всех общественных дел?

Разумеется, в такой теоретически отчетливой форме вопрос о характере демократического устройства России тогда не ставился ни в литературе, ни в политике партий, ни тем более в народном сознании. Опасность скатывания страны к «коммунизму», иногда реальная, иногда выдуманная, довлела над сознанием активных социальных слоев, затрудняя понимание складывавшегося характера демократии в России. Однако разочарование в результатах демократизации было налицо – словечко «дерьмократия» появилось именно в начале 1990-х гг. Это разочарование политически выразилось в усилении после 1995 г. позиций КПРФ в Государственной думе, а затем в попытке устроить импичмент президенту. Поляризация общества, возрастающая из года в год, была чревата социальной конфронтацией и уж конечно не благоприятствовала продолжению ельцинского курса. Если в России веками существовал зазор между «демократическим» и «народным», то к концу 90-х гг. XX в. он стремительно стал расширяться, грозя превратиться в непреодолимую пропасть. Б.Н.Ельцину не удалось в силу ряда причин личного и политического характера овладеть сложившейся ситуацией. Только позже администрация в лице В.В.Путина начала осознавать, что без *социального* эквивалента *политической* модернизации стране грозит крах. Другое дело, что сумма внутренних и внешних обстоятельств определила политику его администрации как *авторитарную модернизацию* с социал-либеральной окраской. Но так или иначе необходимость «дополнения» демократических

реформ в самом ключевом для России пункте – социальном – была отныне признана и властью, и обществом. Эпоха «славных девяностых» закончилась.

Надо сказать, что существовавшая в политических кругах концепция демократического устройства общества, которая связывала демократию в России главным образом с преобразованием отношений в собственно государственно-властной сфере, имела с самого начала все козыри для успеха. И дело было отнюдь не только в идеологической гегемонии либералов после переворота 1991 г. – она быстро растаяла. Дело в другом. История России показала, что масса населения, одинаковая в бедности и бедствиях, живущая в разных условиях, этнически, конфессионально неоднородная и слабо стратифицированная, многообразная по укладу жизни и интересам, не в состоянии самостоятельно представлять себя, защищать свои интересы от собственного имени. Ее решающее политическое влияние на ход дел в стране и в государстве выражалось в поддержке «сильной», а еще лучше – «справедливой» власти, которая стоит *над* обществом и осуществляет попечительство по отношению к нему. «Сильное», патерналистски запрограммированное государство, как бы оно себя ни называло: царским самодержавием, диктатурой пролетариата, общенародным государством, демократией, составляло и составляет отчасти до сих пор политический фундамент господства государства и бесчисленной бюрократии над российским обществом. Надо ли после этого удивляться заблуждению широких масс, будто наличие представительных институтов власти и демократически избранного президента является достаточным условием обновления страны? Впрочем, участие рядовых граждан в решении общественных дел никогда не было ведущей ценностью в теоретических построениях российских демократов и либералов. Им казалось, что замена старой власти на новую, а тем более выборную, сама по себе, без привлечения в политическую жизнь массовых сил, без коренного расширения сферы сознательной общественной деятельности способна обеспечить прогрессивные преобразования в стране.

Что касается другого, собственно современного понимания демократии, то оно существовало в общественном мнении 1990-х гг. лишь в зародыше, скорее в качестве реакции на политику либералов и власти, чем как самостоятельное направление мысли.

Тем не менее его представители сначала робко, а затем все определеннее начинают осознавать, что принципы демократии не только не могут противоречить свободе, равенству и справедливости, но наоборот, «наполняются новым смыслом в той мере, в какой способствуют движению к социальной справедливости»⁵.

Надо сказать, что подобный взгляд на демократию был в 1990-х гг. скорее исключением, чем правилом. В либеральном общественном сознании (хотя и не в настроениях народа) господствовало мнение, что с коммунистическим прошлым и всеми его «реликтами», вроде социальной справедливости, надо кончать раз и навсегда. И все же ощущение ограниченности либерально-демократических реформ постепенно нарастало в российском обществе. Это прежде всего относится к людям, непосредственно участвовавшим в сопротивлении путчистам. После победы в августе 1991 г. и развала СССР они перестали быть нужными новой власти, их понимание демократии как равенства и социальной справедливости, их честность и приверженность демократическому идеалу нельзя было конвертировать ни в собственность, ни в государственную политику. И они ушли с политической сцены, так и не поняв, почему их надежды на лучшее не оправдались.

Первой, хотя и неадекватной формой открытого противодействия политическому и экономическому курсу новой власти стала борьба, связанная с противоборством между Президентом России и Верховным советом РСФСР. Если распад СССР в результате беловежского сговора не вызвал сколько-нибудь заметного отклика в российском обществе и народе – для большинства населения он явился продолжением борьбы против старого советского режима, то дезавуирование полномочий Верховного Совета, избранного на основе всеобщего, равного и тайного голосования, было расценено по-иному – как ликвидация представительного органа, способного, хотя бы в потенци, противостоять вакханалии «обвальнoй приватизации» и резкому ухудшению материального положения масс. Разгон Верховного Совета (калька с разгона большевиками Учредительного собрания в 1918 г.) означал, что прошло время, когда новая власть была вынуждена считаться с демократически-социальными настроениями в обществе. Вместе с расстрелом Белого дома оказалось подорванным не столько влияние коммунистов – оно как раз вскоре выросло –

сколько разношерстной демократии «первой волны», противившейся буржуазно-криминальному перерождению российского государства.

С октября 1993 г. начинается создание политических условий для формировавшегося в стране криминального буржуазного класса. Новая Конституция, спешно разработанная и утвержденная на выборах в декабре 1993 г., значительно урезала права Государственной думы по сравнению с прежним Верховным Советом и увеличила объем прерогатив Президента и находящейся под его контролем исполнительной власти. Этот радикальный сдвиг от парламентского режима к президентскому (скорее, суперпрезидентскому) становится поворотным пунктом в политическом развитии страны. Благодаря ему формировавшаяся буржуазия и криминал обретали мощный таран для разрушения старого порядка, а заодно и средство воздействия на более чем миллионную армию чиновников в центре и на местах. Последнее было очень важно для «новых русских», поскольку интерес криминального капитала теснейшим образом сплелся с сохранением обширной и широко разветвленной системы бюрократического господства.

Парадокс российского политического развития: буржуазно настроенные демократы и либеральная интеллигенция, выступавшие за «минимизацию государства», первыми безоговорочно поддержали меры, позволившие сделать бесконтрольной исполнительную власть. Страх перед повторением октябрьских событий 1993 г. пересилил политический интерес представляемой ими нарождавшейся буржуазии. «Порядок» восторжествовал, но не в той форме, как его представляли новые бизнесмены и либеральная интеллигенция. Новая Конституция давала президенту и правительственной бюрократии невиданные полномочия вмешиваться в политические и экономические процессы, происходящие в стране, в ущерб прерогативам таких демократически избранных органов, как Государственная Дума и Совет Федерации. Громадный бюрократический аппарат приобретал невиданную раньше самостоятельность.

Справедливости ради надо отметить, что эти политические пертурбации, затрагивавшие будущее страны и демократии в России, не вызвали сколько-нибудь значительного отклика в массе населения. С одной стороны, сыграла свою роль воспитанная веками

политическая апатия, обрекавшая массу народа на безразличие ко всем общим интересам, с другой – отчаянное материальное положение «простых» россиян. Вряд ли стоит здесь воспроизводить во всей полноте картину бедствий, постигших народ России в период либеральных реформ. Промышленное производство переживало стагнацию и разрушалось. Рабочие, инженеры и служащие массами увольнялись. Квалифицированные кадры сотен НИИ очутились на улице. Миллионы людей превратились в «челноков», привозя на продажу товары из Турции, Польши, Китая. Бывшие «теневики», кооператоры, подпольные миллионеры и вообще «ушлые люди» приватизировали за бесценок с помощью подкупленных чиновников «бесхозное» государственное имущество: заводы, фабрики, шахты, магазины и т. п. Жульническая ваучеризация (вклад государства в ограбление своих граждан), всевозможные финансовые пирамиды, подставные фирмы, куда переводились полученные «грязные» деньги, разрушение социальной инфраструктуры, созданной при советской власти, кровавые «разборки» новых собственников с конкурентами и т. п. и т. д. – вот что стояло у истоков современного российского капитализма. Еще хуже дело обстояло с судьбой простых граждан, очутившихся пасынками в родной стране. Десятки миллионов людей, насильственно вброшенных в рыночные отношения, без средств к существованию, без опыта хозяйствовать по-новому, без поддержки со стороны государства оказались на грани абсолютной нищеты и вынуждены были действовать на свой страх и риск. Сотни тысяч пошли в криминал, чтобы погибнуть в бесчисленных бандитских разборках и в столкновениях с милицией. Насилие выплеснулось на улицу, одни банды сводили счеты с другими. В стране полупатриархальной морали за три-четыре года сформировался огромный рынок проституции. Возникла могущественная наркомафия. Казино, ночные клубы, «массажные» салоны росли как грибы после дождя. Пьянство, и без того большое, приобрело громадные размеры. Среднерусская деревня почти полностью лишилась молодежи: она либо спивалась, либо уезжала «завоевывать» крупные города и столицу. Нравы горожан резко упали. То, что когда-то считалось недопустимым, выставлялось теперь на показ. Трудовая мораль исчезала на глазах. *Зарабатывать* деньги стало почти зазорным, их пристало только «*делать*». Политические интересы, которые еще недавно

создавали возможность коллективного действия, ушли из общественной жизни. Их место заняли ценности материального достатка и безопасно-приватного существования.

Конечно, положение дел в России с тех пор существенно изменилось. Многие из того, что выплеснулось в общественную жизнь в 90-х гг. XX в., сегодня ушло в прошлое. Высшая власть почувствовала опасность коррумпированности бюрократического аппарата и пытается – правда, без особых успехов – с ней бороться. Развивается экономика, резко упал уровень безработицы, регулярно выплачиваются пенсии и т. д. и т. п. Вырос авторитет страны на международной арене. Однако неслучайно утверждают: в развитии состоянии общественного организма всегда присутствуют черты его генезиса. Политический переворот 1991 г. положил начало трудному, противоречивому процессу формирования новых отношений. Решая старые общественные проблемы, демократизация вместе с тем добавила к традиционным бедствиям российского народа новые: колоссальный разрыв в доходах бедных и богатых, приватизацию государственных органов на местах, бесконтрольность коррумпированного чиновничества, зависимость суда и прокуратуры, рейдерский передел собственности и т. п. Но, пожалуй, главное, чего не смогла создать демократия в ее российском варианте и без чего она дальше развиваться не может, – это современное конституционное государство, где закон и право, однозначно толкуемые и равные для всех, определяют бы деятельность и отношения людей.

Всякий общественный интерес, который выражает себя на исторической арене, должен быть обоснован и оправдан в качестве истинного человеческого интереса. Это, по-видимому, одна из предпосылок нормального общественного прогресса. «В плоскости моральных представлений, – справедливо утверждал О.Г.Дробницкий, – дело выглядит таким образом, что здесь не просто один интерес и воля противопоставляются другому (как это происходит в политике), но один интерес рисуется как “подлинно человеческий”, “истинный”, “оправданный”, тогда как другой – в виде “извращенного” интереса, незаконных посягательств и привилегий, “несправедливых» притязаний” и т. п.»⁶ По-иному дело обстояло в России на переломе XX–XXI вв. Здесь разложение

старой общественной организации и дискредитация старых отношений далеко обогнали формирование новых способов жизнедеятельности, а тем более их моральное обоснование. Соответственно, утверждение нового, буржуазного по своему экономическому содержанию строя общественной жизни произошло *до и помимо* «оправдания» его массовым моральным сознанием и потребностями общества в целом. В образовавшийся «зазор» между старой моралью и новой реальностью, как в «черную дыру», втягивались и обретали противоположный знак представления людей о нравственной истине, о выборе правильной линии индивидуального поведения, о должном и запретном и т. п.

Потрясение, вызванное специфически российским способом внедрения капиталистических форм в общественную жизнь, оказалось гораздо более разрушительным, чем это можно было ожидать. Оно расшатало основные моральные «скрепы» социума, сложившиеся формы согласования и организации социальных действий. То, что к старому нет возврата, сегодня очевидно для подавляющего большинства населения России. Но какова должна быть новая формула взаимоотношений граждан? Практика показала, что выработать ее в нашей стране чрезвычайно трудно: противоположные интересы и культура социальных слоев, несовпадающий менталитет этносов, разнообразие традиций населения, не говоря уже о различиях в отношении к ошибке взглядов и ценностей, колоссально затрудняют формирование единой системы одобрений и осуждений, которые общество должно высказывать по отношению к действиям отдельных индивидов и групп. Во всяком случае, руководящие круги оказались не в состоянии сформулировать свое нравственное учение, которое они могли бы выставить на суд других слоев и социальных групп.

Странное время переживает российское общество. Из чувства самосохранения оно попирает все основания и принципы, на которых держалось старое общежитие. Но обличая нелепость старых моральных максим, проповедуя по существу буржуазные идеалы, большинство людей не могут обосновать и оправдать их в качестве истинно человеческих. В результате оно отрешает себя от культуры, исторической значимости и, если угодно, героики ушедшего в небытие мира и одновременно оказывается не в состоянии возвыситься до уяснения своего места и будущей роли своей страны в

истории человечества. В результате мы имеем мир, где, выражаясь словами А.И.Герцена, «все шатко, ничего не решено, не готово – и главное, что люди не готовы»⁷. Одни пребывают в негодующем бездействии, бесплодном ропоте, бранят новое, как старики, ожидая от власти всего – и добра, и зла. Другие живут исключительно чисто материальными, «буржуазными» интересами, накопление богатства и безбедное существование составляют главный смысл их жизни. Конечно, проповедь индивидуализма разбудила россиян от тяжелого духовного сна, в который погрузил их коммунистический режим, особенно во второй половине XX в. Но шаг за шагом они начали понимать, что признание свободы эгоистических индивидов, замкнувшихся в себе, в своем частном интересе, отнюдь не совпадает с объективными потребностями новой России, с требованиями исторического развития и уж никак не ставят громадную страну в центр современности. Разумеется, понять подлинный масштаб и характер преобразований, которые вначале оказываются выгодными только меньшинству, нелегко, тем более что общественный субъект, действительно способный преодолеть всеобщее бездеятельное недовольство, еще только складывается, он еще не готов критически осмыслить, а главное, преодолеть традиционно-русский способ решения современных проблем. Ему предстоит еще определить свои цели, понять, как они соотносятся с условиями современного существования социума, наконец, возродить духовную и политическую энергию общественных сил, заинтересованных в обновлении страны. Эту программу трудно осуществить, но только на ее основе, новой для России, может быть воссоздана современная связь личности и общества, индивида и государства. Продолжим, однако, основную нить рассуждения.

В ходе своей трудной, полной лишений и жертв истории россияне привыкли рассматривать материальную проблему как ключевую, определяющую, измерять все ценности, включая свободу и справедливость, утилитарными критериями. Неслучайно поэтому фундаментальные проблемы нравственной свободы, человеческого достоинства, освященные моралью нормы «должного поведения» долгое время практически не вставали перед «средним россиянином», растворяясь либо в традиции соборности существования, либо в понятиях «правда против силы». Это в частности объясняет, почему социализм в его грубой, примитивной форме достижения

материального достатка так легко завоевал симпатии трудящихся России, а экономически истолкованный марксизм – сознание значительной части интеллигенции. Новая российская власть сумела преодолеть – неважно каким путем – главное бедствие населения советского периода – хронический дефицит продовольствия и промышленных изделий. Полки магазинов оказались заваленными продовольствием и импортными товарами. В этом смысле новый политический режим оправдал ожидания большинства населения страны, особенно женской его половины, и обрел определенный исторический ресурс для маневра и развития. Во всяком случае, словечки «достать» (вместо «купить»), «блат», «дефицит» и т.п. исчезли из обыденного лексикона.

Однако новые экономические и социальные условия породили другие, не менее острые и животрепещущие проблемы. Раскол на бедных и богатых, разгул коррупции, атомизация общества, неуверенность в завтрашнем дне, невозможность найти управу на богатых, своеволие чиновников по-новому подняли проблемы социального равенства и социальной справедливости. Пресловутое деление на «правду как истину» и «правду как справедливость», которое красной линией проходит через всю русскую историю, сегодня обрело свою значимость и смысл в сознании определенных слоев населения. Но не будем обманываться, этот способ мышления отнюдь не является выражением наступающего нравственного подъема масс, он скорее соответствует мироощущению угнетенных социальных слоев, не способных еще претворить свое недовольство существующим положением в позитивную преобразовательную деятельность. Тем не менее он возрождается.

Если вновь вернуться к определению кризиса морального сознания, переживаемого сегодня российским обществом, то оно после сказанного пополнится еще одной чертой. Мы имеем в виду резкое ослабление – вплоть до потери – способности россиян переводить общественные веления, значимые для всех, в личностную форму долга, во внутренне-обязующий принцип своих поступков. Иными словами, переход требований общественной морали в личностно-субъектную ее форму, без чего невозможно нормальное функционирование социума, наталкивается на какие-то невидимые препятствия. Конечно, определенную роль здесь играет, как ни странно это покажется на первый взгляд, *новизна* нравствен-

ной задачи, поставленной перед индивидом изменившимися условиями: *самому* творить свое поведение в ответ обстоятельствам и *самому* отвечать за последствия своих поступков, что, как выяснилось, достигается практикой и требует времени. К сказанному нужно прибавить открывшееся с помощью электронных СМИ громадное разнообразие моделей поведения. В этих условиях простое следование принятому, общим правилам уже больше не годится, в новой обстановке нужен личный нравственный выбор и личная нравственная самооценка своей деятельности.

И все-таки не только и не столько новизна требований к человеку лежит в основе сегодняшнего морального кризиса. Источник его коренится глубже. Он восходит прежде всего к способу причастности «простого человека», массы граждан к общественной жизни. Конечно, «простой человек» получил право раз в пять лет голосовать на выборах за партию, которой он симпатизирует, чьи идеи ему близки и понятны. Но в остальное время, в повседневной жизни он остался столь же бесправным перед чиновником, работодателем, обманувшей его фирмой, как и раньше, в годы советской власти. Ему, члену гражданского общества, предлагают контролировать действия местной власти, правда, без права менять чиновников или отзываться депутатов (если речь идет о выборном органе). Его учат по телевидению, как распознавать фальсифицированные продукты питания, поддельный коньяк, вина. Просвещающие при этом почему-то уверены, что предотвращать фальсификацию это дело не власти, а отдельных граждан, тех, кого они просвещают.

Надо, наконец, признать, что радикальные преобразования 1990-х гг. исходили *не от массы населения* – последнее не имело возможности ни воздействовать на ход вещей, ни тем более определять социально-экономические результаты реформ. Но политическая воля пусть даже передовых слоев общества не обретает нравственного смысла, если она выступает как внешнее принуждение для основной массы населения. А именно так навязывали в 1990-х гг. новые отношения людям. Однако в морали – такова ее специфическая природа – общественное, объективно обязывающее веление должно совпадать с субъективным признанием скрытой в нем истины, внутренний выбор – с одной, единой для всех «правдой». Или несколько иначе: во внешней реальности человек надеется обнаружить тот же самый смысл, которым он руководствуется в сво-

ем собственном моральном поведении. Противоречие же социальной действительности сложившемуся нравственному сознанию, общественного веления – личной моральной максиме неизбежно оборачивается падением общего духовного уровня людей, понижением моральных требований, которые человек предъявляет к себе. А поскольку вменяемое индивиду веление поступать согласно нормам морали, идее «добра», должного оказались в России в разительном несоответствии с наличной социальной действительностью, постольку «свобода воли» индивида – необходимое условие морали – привела к не к господству закона, а к личному произволу, росту преступности, к асоциальному поведению. Немногие в этих условиях оказались способными строить свое поведение наперекор фактам, противопоставить свою волю и убеждения стихии внешних обстоятельств – внешнее экономическое и социально-психическое давление заставляло и заставляет до сих пор слишком многих идти по накатанным путям обмана, лицемерия, двоемыслия, приспособления к существующему. Разумеется, когда-то уверенность людей в «недействительности» мира (несоответствии его морально «доброму») станет началом становления активно-преобразовательного отношения к нему. Когда-то, но, к сожалению, не сейчас...

Думается, еще один источник морального кризиса, который переживает сегодня российское общество, коренится не только в неприятии народными массами вопиющего социального неравенства (хотя, конечно, и в этом), но и в невозможности (= трудности) для российского нравственного сознания принять принцип частной собственности в качестве опорной ценности общественной морали. Частная собственность, которая в истории Западной Европы выступила своего рода синтетической категорией, вобравшей в себя и общественное благо, и личную свободу, в России оказалась морально дискредитированной сначала условиями жизни крестьянства, его общинным сознанием, а затем, после большевистского переворота, «втеснением» в общественное сознание ценностей государственной собственности. В результате, несмотря на проходящую приватизацию, эта категория до сих пор носит в России по преимуществу экономический характер, не дотягивая до статуса категории нравственного сознания. С частной собственностью, особенно средней и крупной, народное сознание

до сих пор связывает мошенничество, сугубо личный интерес, корыстную выгоду, т. е. то, что не имеет ничего общего с общественным интересом, общественным благом. Во всяком случае логика долженствования и логика поведения, связанного с частной собственностью, пока еще кардинально расходятся в сознании большинства населения. Это неприятие имеет, к сожалению, под собой практическое, жизненное основание: возросшая роль частнособственнических стимулов оказалась в России сплошь и рядом в непримиримом противоречии не только с традиционной моралью, но и с функциями социального контроля и институциональными требованиями демократического общества. Криминально-буржуазное «освобождение» экономики от контроля государства и общества привело к разрушению основных констант и кодов морального сознания населения.

Смена исторического вектора развития России в конце XX – начале XXI вв., таким образом, поставила перед обществом проблему, разрешение которой выходит за рамки собственно моральных предписаний и оценок, – скорейшего преодоления законов, логики и ценностей «первоначального накопления капитала». Нельзя, например, воспитать в людях хотя бы признание правомерности частной собственности как условия стабильности и развития общества, если действительно, а не на словах не бороться с коррупцией, охватившей широкие слои нашего населения. Характерно, что Россия присоединилась к конвенции ООН в борьбе с коррупцией, но только сегодня речь зашла о том, чтобы полностью соблюдать все пункты конвенции, включая обязанность чиновников декларировать не только свои доходы, но и свои *расходы*. Точно так же нельзя добиться социального равенства или хотя бы понятного для людей и оправданного в их глазах неравенства в обществе, где отсутствует прогрессивная шкала налогообложения и все стремятся скрыть свои доходы. Народ никогда не поверит в справедливость нового общества, пока управленческий аппарат, включая правоохранительные органы, выведен – несмотря на все уверения власти в обратном – за рамки ответственности перед гражданами. Наконец, власти и обществу давно пора покончить с избирательным правосудием, когда применение закона зависит от «целесообразности», а ее в свою очередь определяют богатые и влиятельные люди и т. д. и т. п.

Как уже отмечалось, в нашей стране распад политических ценностей и символов коммунистического режима совершился в силу ряда причин раньше, чем общественное сознание выработало новую идеологию и новую систему освоения населением ценностей. Иными словами, политическому и общественному перевороту, совершившемуся в 1990-х гг., не предшествовала революция в умах, как, скажем, во Франции в XVIII в. или в России в конце XIX – начале XX вв.. **Демократический идеал отвечал культурному кругозору и потребностям достаточно узкого слоя научно-технической и гуманитарной интеллигенции и части партийно-государственной номенклатуры, включенных благодаря полученному образованию и положению в систему более широких отношений.** В результате демократическая идея вошла в сознание общества не в виде конструктивной историко-политической программы, соответствующей реалиям огромной страны и возможной нравственной эволюции народа, а в виде абстрактной европоцентрической идеологии, являвшейся своего рода теоретическим сколком с политического опыта и противоречий Запада.

Наши «отцы-основатели» демократии, а вслед за ними и нынешняя власть так и не поняли, что не существует некой раз и навсегда данной модели политического устройства, которая применима ко всем странам, на какой бы ступени развития они ни находились, как не существует одинакового во всех случаях соотношения демократических свобод. Конкретная «национальная» форма демократии и, соответственно, соотношения свобод должна быть выработана, нащупана, если угодно, изобретена эмпирически, опытным путем, а не насаждаться «сверху», административными средствами. Как справедливо подчеркивает американский политолог Й.Шапиро, «...вызов нашим творческим способностям в том и состоит, что мы должны **найти** (выделено мной. – И.П.) способы демократизации различных видов социальной практики, всякий раз наполняя демократический идеал конкретным, отличным от него самого самостоятельным смыслом»⁸.

Особое значение эта особенность (закон?) демократизации приобретает для России, где традиционно слаба «низовая» политическая активность населения. Здесь способность власти *сочетать* самодеятельность продвинутых слоев общества с конкретными политико-административными мерами на местах и в центре пре-

вращается в проблему проблем, от которой зависит успех и демократизации, и морального выздоровления общества. Надо, наконец, покончить с положением, когда это сочетание означает на деле безнадежную и небезопасную для тех, кому «больше всех надо», борьбу с местной администрацией. Конечно, контроль гражданского общества за действиями власти имеет большое значение. Но не следует упускать из виду, провозглашая необходимость такого контроля, что в России бюрократический аппарат упорно и – главное – с успехом сопротивляется любому вмешательству «извне», со стороны граждан, в свою деятельность. Он насквозь коррумпирован, веками приучен к монополии на власть, к бесконтрольности, безответственности и своих позиций без борьбы не сдаст. К тому же не будем забывать, что, кроме поддержки «влиятельных людей» из высшего эшелона власти, сегодня за его спиной стоит мощь криминального капитала, заинтересованного, вопреки декларациям, в сохранении status quo.

Можно ли в этих условиях говорить о преодолении морального кризиса в обществе? Думается, все-таки можно, даже учитывая, что нравственное развитие – процесс по природе своей объективный, исторический, требующий определенных общественных условий и длительного времени. Прежде всего отметим: в современной России, как никогда раньше, моральная и юридическая практика оказались завязанными в один узел. Вопрос о праве, восстановлении правового порядка превращается сегодня в главный вопрос дальнейшего развития российского общества. Дело не только в том, что право является условием социальной стабильности. Восстановление доверия к праву предполагает не только устранение избирательного правосудия, но и признание прямого действия закона в противовес разного рода подзаконным актам, инструкциям, разъясняющим письмам, сводящим на нет содержание принятых законов. Но именно этому всеми способами сопротивляется бюрократия, так как именно *толкование* закона составляет главное условие и предпосылку ее могущества. Мораль в России, как это ни странно, оказывается в заложниках у правоприменительной практики. Когда коммерческий или иной успех достигается неправовыми методами, когда часть населения оказывается фактически бесправной перед наглостью и безнаказанностью корпораций (как это, например, происходит с обману-

тыми дольщиками по всей стране, кроме, пожалуй, Москвы), тогда в сознании людей слабеет значимость такой моральной нормы, как справедливость, а подобающее человеку нравственный самоконтроль превращаются в фикцию, от которой надо радикально избавляться. Но все-таки главная опасность заключается даже не в этом. Главное – это *внутренняя готовность* сотен тысяч людей (если не миллионов) к противоправному поступку, особенно если он к тому же щедро оплачивается. Эта готовность означает не только моральную неустойчивость. Она свидетельствует, что «средний человек» в России перестает быть существом общественным не только в сфере внешних социально-экономических зависимостей, но и в области внутренних нравственных своих определений. Его поведение и акты воли детерминируются главным образом извне, ситуацией, а не изнутри, нравственностью. Человек разрешает себе все, что ему выгодно, как бы эта выгода ни соотносилась с нормами морали, с общественными интересами. Вообще говоря, так действует природное существо, но не человек как общественный субъект.

Далее. Когда-то В.И. Ленин считал, доказывая вслед за Марксом и Энгельсом необходимость отмирания государства, что толпа людей сама без вмешательства специальных государственных органов способна «разобраться» с хулиганами и дебоширами. В современной России это кажется бредом социального фантаста. Сегодня в Москве на глазах у семидесяти пассажиров вагона метро пятеро подонков, выкрикивая националистические лозунги, зверски избивают студента, посмевшего заступиться за девушку, и ни один из семидесяти не пытается их даже остановить, а не то чтобы дать им жесткий отпор. Люди просто отвернулись, чтобы не видеть безобразия. Студент в итоге с «травмами средней тяжести» попал в больницу. Милиция задержала троих из пяти подонков и, выяснив их личность, – они оказались гражданами соседнего государства – тут же освободила.

В отсутствие сформированных и закрепленных практикой регулятивов морального поведения, а отчасти и элементарного нравственного воспитания люди в России оказались в трудном положении. С одной стороны, «истинно нравственная позиция», как будто бы диктуется всей культурой и историей страны, потребностями модернизации государства и общества, наконец.

С другой – вменяемое человеку веление поступать нравственно находится в вопиющем противоречии с существующими отношениями, правовой практикой, с характером поведения «успешных» людей из его окружения, а иногда, как мы видим, и с правилами, по которым действует полиция. В этих условиях нравственному выбору, который означает личную ответственность за свои действия, человек предпочитает, во всяком случае пока, поступать согласно самой легкой, «конформной» линии поведения, не «вмешиваться», вести себя «как все». Трудно прорвать этот заколдованный круг зависимостей. Для этого нужно нечто большее, чем исполнение велений закона и решимость бороться со злом, – прежде всего нравственная, общественная, а затем и политическая инициатива отдельных общественных групп, которая смогла бы прорвать эту цепь зависимостей. Именно тогда наберет силу гражданское поведение, возникнет необходимость в действиях, выпадающих из внешней обусловленности и прорывающих круговую цепь причин и следствий. У людей тогда впервые появится способность детерминировать свои поступки, свою деятельность не только извне, логикой обстоятельств, но целенаправленно, изнутри, или идеально. Первой ласточкой пробуждения гражданского и одновременно морального самосознания стали протесты против фальсификации выборов в Государственную думу. Собственно говоря, власть и раньше занималась подтасовкой результатов выборов, которая называлась использованием «административного ресурса», и люди мирились с этим. Но в декабре 2011 г. Они вдруг вышли на митинги с требованием честных выборов. Если иметь в виду нравственность, то эти митинги свидетельствуют, несмотря на попытки некоторых политических сил использовать возникшее движение в своих интересах, о *начале* нравственного пробуждения нашего общества. Другое дело, что не всякое начало в России приводит к благоприятному завершению: корысть ищет напарника в честном возмущении, пена и грязь скрывают основной поток, старые мифы наскоро подновляются лицемерами, рвущимися в лидеры. И тем не менее первый шаг к нравственному выздоровлению общества все-таки сделан, моральная ответственность перестает быть чистой риторикой, и люди – к сожалению, их пока не так много – хотят считать себя лично причастными к происходящему с ними.

Разумеется, мораль как житейское наставление, как практическая мудрость прагматически ориентированных индивидов еще долго будет оставаться господствующей формой мотивации действий людей. Это, так сказать, необходимый элемент общественной морали. Однако, к счастью, природу нравственности нельзя целиком свести к общественно-групповым детерминантам, к общепринятым и общепризнанным нормам. Специфический характер нравственности как раз и заключается в том, что она имеет свойство обнаруживать, порой неожиданно, иную перспективу, иное протяжение бытия и истории, вступать в противоречие с установившейся массовой практикой поведения. Нравственная личность (личности) во имя справедливости, долга, совести способна вступать в конфликт с утилитарной моралью экономических или политических групп, предвосхищая грядущие моральные или общественные перемены. В этом смысле будущее российского общества, хотелось бы надеяться, станет характеризоваться возникновением новых духовно-практических движений и норм морального поведения. Правда, для этого «человека» в России придется «открывать» заново, так как в существующей форме культуры новому типу личности, к сожалению, места нет.

Таким образом, данный стихийный естественноисторической процесс развития морали в нашем обществе, конечно, нельзя отменить, но его можно изменить, если попытаться воздействовать на него не извне, а изнутри. Идеологически исходным для курса нынешнего руководства страны является убеждение в том, что повышение материального благосостояния «простых людей» станет основой разрешения большинства проблем современного российского общества. В свете этой по существу экономоцентрической точки зрения предполагается, что экономический рост способен изменить в направлении «очеловечения» всю совокупность общественных отношений (институтов, законов, норм функционирования), в которых воплощена жизнь россиян. В определенном отношении это так. Без преодоления бедности основной массы населения, без достижения людьми определенного уровня материального благосостояния ни о каком «очеловечении» отношений между ними говорить не приходится. Более того, только модернизация экономики может стать сегодня основой всестороннего культурного развития народа. Однако если посмотреть на развитие российского общества шире, включить

в его понимание точку зрения морали, то очень быстро выяснится, что речь должна идти о чем-то большем, чем материальное благосостояние масс, – об универсальном проекте изменения отношений между людьми, где в качестве долга предписывается борьба со всеми видами превращения «другого» в средство. В самой практике общественной жизни России уже появилась настоятельная потребность в многосторонней, глубинной ориентации действий людей, прорывающей цепь «органических» потребностей прошлого опыта, в способности воплотить в своих действиях веления нравственности. Сегодня эта способность в большинстве случаев является бесполезной, в худшем – грозит осложнениями для отдельного лица. Люди не верят в торжество справедливости. Но одна из задач общества и власти как раз и заключается в том, чтобы поддерживать все проявления внутренней нравственной свободы, создавать условия для ее возникновения во всех сферах общественной практики. Ведь в большинстве случаев она является специфическим выражением конкретно-исторических потребностей новой жизни.

Так сформированная программа общественного прогресса требует выработки нового представления о развитии общества и человеческой личности. Мы, россияне, привыкли к тому, что освобождение от рабства, угнетения, зависимости и т. д. может быть только материальным. Для нас отсутствие жизненных благ или их недостаточность является главной проблемой освобождения личности, по отношению к которой подавление нравственной воли или потребность в самовыражении выступает чем-то второстепенным. Большинству россиян кажется, что зависимость, отношения угнетения – это главным образом социально-экономическая категория, а не политическая и тем более не моральная. Поэтому уничтожить их, как кажется большинству, можно только с помощью экономического освобождения. На деле превращение вчерашнего «раба», «данника», верноподданного своих «господ», кем бы они ни являлись, в свободного человека, в *гражданина* является проблемой, особенно в наше время, не столько экономической, сколько морально-политической – проблемой формирования нравственной «свободы воли» человека.

Пока человек действует только в логике общепринятого «безопасно-приватного» существования, он, собственно говоря, находится вне отношений морали, даже если внутренне, духовно он

свободен от того, что ему приходится делать. Свободным он может ощутить себя только в общественном действии. Но именно условия для инициативы, свободного почину не хватает в современном российском, да и не только в российском обществе. В результате люди с сильным характером, с обостренным чувством справедливости идут на столкновение с наличной социальной действительностью, с законом и невольно совершают противоправные поступки. Особенно остро это противоречие ощущается в среде молодежи. В отсутствие культурно-духовного воспитания (в российской школе в отличие, скажем, от японской больше не *воспитывают*, в ней только *преподают*) неприятие молодыми людьми обыденной жизни, «бытовухи», как они выражаются, молодежный критицизм и максимализм оборачиваются нравственным радикализмом, противопоставлением себя существующим отношениям, что используется сплошь и рядом либо криминалом, либо определенными политическими силами. Недовольство окружающим, стремление к абсолютной справедливости побуждает молодежь искать *свою*, далеко не всегда согласную с общественным велением формулу действия и нередко вступать в противоречие с законом.

Когда-то в разгар борьбы с коммунизмом в нашей стране радикальные интеллигенты объявили войну «идеологии». К ней была отнесена и такая ценность, как социальная справедливость, которую объявили своего рода коммунистическим пережитком. В обществе свободы и рыночных отношений, утверждали эти сторонники свободы и «демократы», справедливость теряет всякий смысл. Мы даем вам «удочку», а научиться ловить «рыбку» каждый должен сам. Но очень скоро выяснилось, что дело обстоит по-другому: ни один аспект человеческого бытия, включая пресловутую ловлю рыбы удочкой, не существует независимо от политики и идеологии: ведь берега реки или озера, как выяснилось, можно приватизировать, закрыв тем самым доступ рыбаков к воде. Подтверждением этому стала идеологическая борьба уже *на почве* общества рыночной экономики.

Отрицая идеологию как таковую, мы тем самым подрываем основную посылку нравственного сознания – осмысленного права человека поступать по логике возникающих перед ним требований, не плыть по течению, и быть лично ответственным, сознательным, самостоятельным в своих решениях и поступках. Эти

требования особенно актуальны для современного российского общества: практическая, волевая и духовная задача, которую предстоит ему выполнить, предполагает радикальное преодоление его наличной природы, сложившихся традиций, привычек, способов действия и даже строя мышления, т. е. «прорыв», моральный и политический, цепи зависимостей, определяющих фактически сложившуюся конституцию его характера.

Приходится, однако, признать: если в общественной жизни уже наметилась (к сожалению, не больше) потребность личности в радикальном, глубинном переопределении своей природы, то в морально-политическом сознании российских элит и российского общества эта потребность по-настоящему еще не воспринимается. Иначе как можно расценить тот факт, что наша средняя школа фактически самоустранилась от задачи нравственного воспитания детей – не дай бог, обвинят в пропаганде вредной идеологии! Но без нравственного «переворужения» средней школы компьютерное перевооружение ее не даст ожидаемых результатов. К слову сказать, вчерашние школьники вспоминают прежде всего тех учителей, которые не скрывали своих нравственных принципов – моральный авторитет дорогого стоит. В условиях сокращения курсов литературы и отечественной истории, перестройки преподавания применительно к ЕГЭ отсутствие воспитательного момента привело и приводит к поразительной моральной инфантильности школьников.

Равным образом нынешнее наше телевидение проповедует за немногим исключением то, что раньше, в советские времена, безоговорочно осуждалось, – культ жестокости, силы, прославление секса, «красивой жизни» во всех ее проявлениях. Недаром американские кинобоевики и подвиги американских коммандос получили постоянную прописку на нашем телевидении. У американцев, разумеется, есть превосходные кинокартины, пропагандирующие образцы морального поведения, но они почему-то не демонстрируются на телевидении. Впрочем, продюсерам ТВ бессмысленно напоминать о задачах морального воспитания людей. Мы уже не говорим об интернете, где без всяких ограничений пропагандируются все мыслимые и немыслимые пороки современной жизни. Но свобода человека, как бы ее ни трактовали, не может быть свободой от норм морали.

Заканчивая статью, хотелось бы сказать: битва за новую Россию еще не выиграна. Конечно, страна настолько изменилась, что возврат к старому коммунистическому режиму уже невозможен. В этом заключается, по-видимому, историческое значение двух последних десятилетий развития. Однако приходится признать, что *духовное* самоопределение нового российского общества еще не состоялось. Мировоззренческая и нравственная революция по образцу «цивилизованного Запада», на что надеялись либеральные вестернизаторы, не прошла в России. Как не раз оказывалось в истории, развитие народов – не только каким оно *было*, но и *каким ему быть* – это мир своеобразия, специфики, различия, в том числе и морального, не нивелируемых опытом других народов, даже передовых. Ответ на вопрос, какими людям быть, у каждого народа может быть только своим собственным. Экономическая модернизация не может долго развиваться в отрыве от политической и моральной. И чем дольше это не будет признаваться, тем выше окажется цена за опоздание. Необходимость духовного, нравственного обновления, сообразного истории и представлениям народа о справедливости, – отнюдь не следствие якобы особого положения России или своего рода национального чванства. Нет, она вытекает из глубоких предпосылок, заложенных в развитии современной цивилизации.

Примечания

- ¹ Капустин Б.Г. К критике политической философии. Избранные эссе. М., 2010. С. 349.
- ² См.: Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социс. 2009. № 10.
- ³ Пастухов В.В. Темный век. Посткоммунизм как «черная дыра» русской истории // Полис. Полит. исслед. 2007. № 3. С. 27.
- ⁴ См.: Пантин И.К. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // Политико-философский ежегодник. Вып. 3. М., 2010. С. 125.
- ⁵ Капустин Б.Г. Демократия и справедливость. Размышления об опыте моральной политической философии // Полис. Полит. исслед. 1992. № 1–2. С. 89.
- ⁶ Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974. С. 344.
- ⁷ Герцен А.И. Избр. филос. произведения. Т. 2. М., С. 109.
- ⁸ Шапиро Й. Три способа быть демократом // Полис. Полит. исслед. 1992. № 1–2. С. 82.